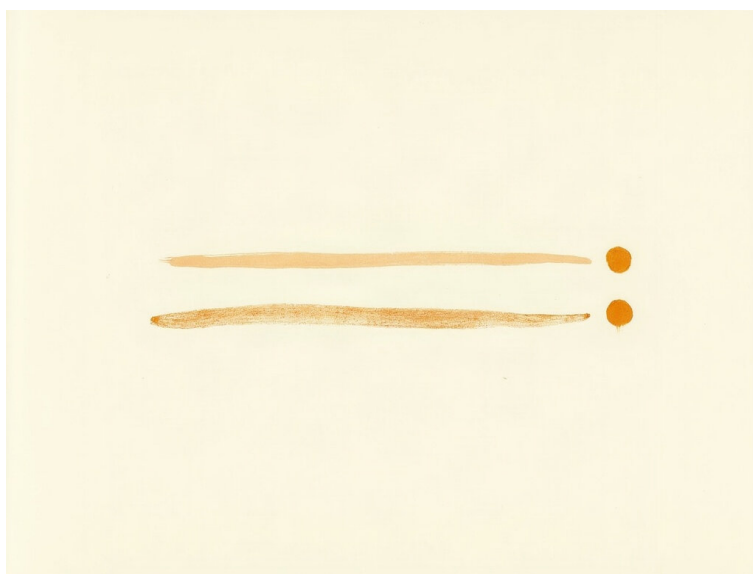

Рифма: откуда взялась и почему от неё ушли

*У древних греков её не было, у Пушкина без неё не обходилось,
у современных поэтов её почти нет — и каждый раз это было
решение*

Поэзия · 13–17 лет · 14 минут

Кажется, что рифма и стихи — одно и то же. На самом деле великая поэзия тысячу лет обходилась без неё, потом тысячу лет не обходилась, а теперь снова обходится. У каждого поворота была причина, и причины эти не про красоту.

Проверка на привычность

Спроси человека, что такое стихи, и с большой вероятностью услышишь про рифму. Это первое, что называют дети, и часто единственное, что помнят взрослые.

Между тем вот факт, который стоит держать в голове весь разговор: у **Гомера рифмы нет**. И у древнегреческой трагедии нет. И у латинской поэзии классической поры — тоже. Ни одной.

Речь не о маргинальных текстах, а об основе европейской словесности. Тысячу лет поэзия работала без того, что нам кажется её главным признаком.

Потом рифма появилась, продержалась ещё тысячу лет и стала обязательной настолько, что без неё стихи не признавали. А в двадцатом веке из серьёзной поэзии почти ушла.

Три поворота — три решения, и ни одно не про красоту. Разберём.

Зачем она вообще понадобилась

Начнём с вопроса о пользе, а не о прелести.

Представь мир без письменности — или с письменностью, доступной единицам. Всё, что человечество знает, хранится в одном месте: в чьей-то памяти. Законы, родословные, устройство земледелия, история войн.

Память — ненадёжный склад. Ей нужны крючки.

Отсюда все приёмы древней поэзии: повторяющийся размер, устойчивые формулы вроде «быстроногий Ахиллес», повторы, парные строки. Всё это не украшения — это **средства сохранности**. Текст, сделанный по правилу, невозможно перевернуть незаметно: ошибка ломает правило, и слух за неё цепляется.

Рифма — крючок того же рода, и очень сильный. Если ты помнишь первую строку, вторая наполовину подсказана: её конец обязан звучать похоже. Забыть слово, у которого есть рифменная пара, гораздо труднее, чем просто слово.

Почему тогда у Гомера её нет? Потому что у него работали другие крючки — жёсткий гекзаметр и формулы, — а греческий язык для риф-

Пока стихи не записывали, рифма была страховкой от забывания

мы неудобен: окончания в нём слишком разнообразны, и созвучия получались бы случайными.

Рифма

Созвучие концов стихотворных строк, начиная с ударного гласного. Слово пришло через латынь от греческого *ритмос* — «мерность», и это указывает на родство: рифма изначально воспринималась как способ отмерить строку, а не украсить её. Различают рифмы точные и неточные, богатые и бедные, мужские (ударение на последнем слоге) и женские (на предпоследнем) — и выбор между ними меняет звучание сильнее, чем кажется.

Как она пришла в Европу

История прихода поучительна, потому что в ней нет ничего возвышенного.

Латынь классической поры рифмы избегала. Но поздняя латынь изменилась: ударение стало другим, окончания унифицировались, и слова начали созвучно оканчиваться сами собой. Созвучие, бывшее редкостью, стало почти неизбежным.

Первыми это использовали церковные гимны — тексты, которые пели хором люди, в большинстве своём неграмотные. Задача та же, что у древних сказителей: хором петь легче то, что само подсказывает продолжение.

Рифма приходит в Европу поздно и уходит быстро

Параллельно, по другой линии, рифма была давно развита в арабской поэзии, и через Испанию и Сицилию она встретила с европей-

ской. Историки спорят, сколько тут заимствования, а сколько собственного развития, — но и та и другая линия вели в одну сторону.

К XII–XIII векам рифма в европейских языках побеждает окончательно. Дальше шестьсот лет она не обсуждается: это просто то, как выглядят стихи.

Что рифма делает с текстом

Теперь самое интересное — не история, а механика. Что именно происходит, когда в конце строк стоит созвучие?

Она скрепляет строки. Две зарифмованные строки слышатся как одно целое, даже если по смыслу связаны слабо. Рифма — клей, работающий помимо синтаксиса.

Она создаёт ожидание и удовлетворяет его. Дослушав первую строку, ты неосознанно ждёшь отклика. Приходит — маленькое удовольствие, из тех, что мы почти не замечаем поодиночке, но за сорок строк они складываются в ощущение уместности.

Она связывает слова, не связанные по смыслу. Вот это главное и самое недооценённое. Зарифмовав «кровь» и «любовь», поэт помимо воли утверждает между ними связь. Рифма — не звуковое явление, а способ мышления: она сталкивает понятия и заставляет искать между ними отношение.

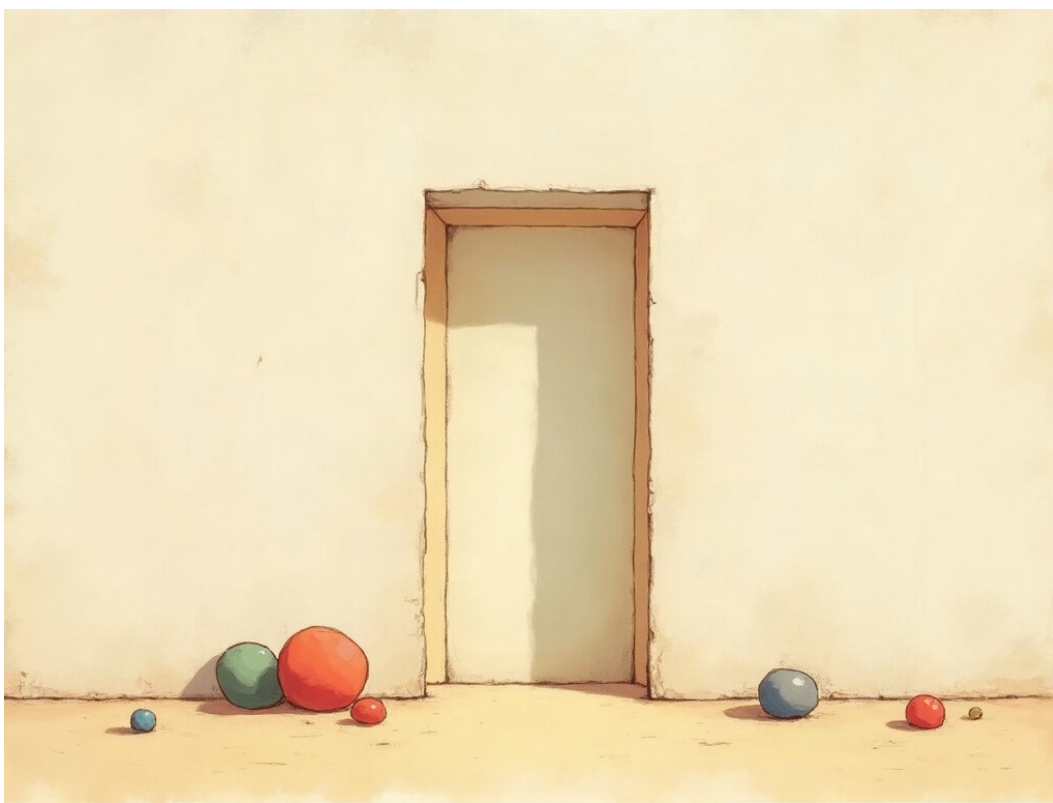
Она сужает выбор — и в этом её сила. Поставив слово в конец строки, автор резко ограничил, чем может закончиться следующая. Приходится искать, и найденное часто оказывается не тем, что он собирался сказать.

Как ограничение думает за автора

Иосиф Бродский много раз говорил вещь, которая звучит почти мистически, но имеет простое объяснение: не поэт пользуется языком, а язык пользуется поэтом.

Разберём на рифме.

Ты хочешь сказать: «мне грустно». Ставишь в конец строки слово «печаль». Теперь тебе нужна рифма — и выбор невелик: «даль», «жаль», «сталь», «вуаль», «хрусталь».

Ограничение заставляет искать то, что не пришло бы в голову

Заметь, что произошло. Ты собирался писать про своё состояние, а язык предлагает тебе даль, сталь и хрусталь — то есть пространство, твёрдость, хрупкость. Каждое тянет за собой образ, которого в твоём замысле не было.

Дальше одно из двух. Слабый автор возьмёт первое подвернувшееся и вставит «даль» просто ради созвучия — получится то, что называют рифмой ради рифмы, и читатель мгновенно это слышит. Сильный заметит, что «сталь» рядом с «печалью» открывает то, о чём он не думал, — и пойдёт за подсказкой.

Во втором случае стихотворение окажется умнее замысла. Ограничение не помешало — оно предложило ход, до которого свободная мысль не дошла бы, потому что свободная мысль идёт по проторённому.

Вот как это выглядит, когда рифма работает на полную.

Владимир Маяковский, «Сергею Есенину», 1926

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота, —
летите,
в звёзды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.

Посмотри на последнюю пару. «В звёзды врезываясь» — «трезвость»: рифмуется не слово со словом, а кусок фразы с одним словом, и созвучие тянется через несколько слогов. Такую рифму называют составной, и угадать её невозможно — именно поэтому она и срывается.

Заметь заодно, что рифма тут делает со смыслом. Она ставит рядом космический взлёт и пивную трезвость, то есть соединяет то, что по смыслу несоединимо, — и всё стихотворение держится на этом столкновении.

Почему от неё стали уходить

К концу XIX века с рифмой случилось то, что случается со всяким обязательным приёмом.

Она изнасилась. За шестьсот лет удачные созвучия были найдены и переиспользованы тысячи раз. «Кровь — любовь», «розы — морозы» перестали работать: читатель слышит рифму раньше, чем слово, и никакого столкновения понятий не происходит. Приём, который был открытием, стал мебелью.

Она стала подозрительной. Гладкое звучание внушает доверие само по себе — зарифмованную глупость мы принимаем легче, чем незаарифмованную. Поэты заметили за собой это и испугались: рифма умеет выдавать необязательное за необходимое. Лозунги и реклама рифмуются не случайно.

Изменилась задача. Поэзия перестала быть способом хранения — для этого давно есть печать. Крючки для памяти стали не нужны, и приём лишился первоначального оправдания.

Появилось, чем заменить. Свободный стих предложил другие способы держать текст: строкой, паузой, синтаксисом, повтором. Оказалось, что без рифмы стих не рассыпается, если работают другие силы.

Рифма — сила или костыль

Сила. Ограничение заставляет искать, и найденное под давлением обычно точнее свободного. Рифма связывает текст и делает его запоминаемым — а стихотворение, которое не запоминается, наполовину не работает. Отказ от неё чаще означает не поиск нового, а нежелание возиться.

Костыль. Рифма подсказывает не лучшее слово, а подходящее по звуку, и автор постоянно соблазняется сказать не то, что хотел. Она придаёт любому содержанию вид завершённости, включая пустое. Убрав её, поэт лишается подпорки и вынужден держать текст смыслом.

Практический признак, с которым согласны обе стороны: если из двух зарифмованных строк одна явно существует ради второй, приём проиграл — независимо от того, хороша рифма или нет.

Где она жива и прекрасно себя чувствует

Ушла рифма только из одного места — из «серьёзной» письменной поэзии. Во всех остальных она работает на полную.

Песня. Почти вся песенная традиция рифмованная, и причины те же древние: петь хором и запоминать легче.

Рэп. Здесь рифма переживает расцвет, какого не знала со времён барокко. Внутренние рифмы, цепочки из пяти созвучий подряд, составные рифмы, где созвучны не слова, а куски фраз, — техническая сложность выше, чем в большинстве классических стихов.

Детские стихи. Тут рифма незаменима по прямому назначению: ребёнок запоминает через звук.

Реклама и лозунги. Место, где приём применяют цинично и точно, ровно за то свойство, которого испугались поэты: рифмованное кажется убедительнее.

Вывод любопытный. Рифма не устарела — она перешла из одной области в другие, где её первоначальная задача по-прежнему актуальна.

Что из этого следует

Несколько практических вещей.

Не считай рифму признаком стихов. Наличие созвучий не делает текст поэзией, отсутствие — не лишает её.

Проверяй, работает ли рифма. Простой тест: закрой вторую строку и попробуй угадать её конец. Угадал — рифма пустая. Не угадал, а прочитав, согласился — рифма работает.

Замечай неточные созвучия. Современные поэты, вернувшиеся к рифме, редко берут точную: она слишком слышна. Вместо этого созвучие слегка сдвинуто, и ухо цепляется, не успевая предсказать.

Если сочиняешь сам — не иди за первым. Самый частый провал начинающего в том, что он берёт первую подвернувшуюся пару и подгоняет под неё смысл. Правило простое: если ради рифмы пришлось сказать не то, лучше поменять первую строку, а не вторую.

Русский случай

Стоит сказать отдельно, почему у нас с рифмой отношения не такие, как в Европе.

Русский стих получил рифму поздно — по-настоящему он складывается в XVIII веке, сразу в готовом виде, заимствовав приём вместе с европейской образованностью. Зато язык оказался для неё на редкость удобным.

Причин две. **Подвижное ударение:** в русском оно бежит по слову, и это даёт огромный запас разных созвучий. **Богатая морфология:** окончаний много, и они разнообразны, поэтому рифмуются не только корни.

Обратная сторона той же медали — соблазн. Рифмовать по-русски легко, и в первую очередь легко рифмуется грамматика: глагол с глаголом, существительное с существительным в том же падеже. «Любить — ходить», «рукою — мечтою». Такие рифмы называют грамматическими, и они считаются дешёвыми: созвучие обеспечено не поиском, а одинаковым окончанием.

Поэтому в русской традиции сложилась особая требовательность. Точная рифма легко доступна, значит, ценится не она, а неожиданная: когда рифмуются разные части речи, когда созвучие захватывает больше звуков, чем нужно, когда слова принадлежат далёким друг от друга мирам. Маяковский строил на этом целую систему, нарочно рифмуя длинные составные куски.

Отсюда любопытный итог: язык, максимально удобный для рифмы, выработал самые строгие требования к ней. Там, где приём даётся даром, его перестают считать заслугой.

Главное в трёх строчках

- Рифма — не признак поэзии, а приём: тысячу лет великие стихи обходились без неё, потому что память держалась на других крючках.
- Главная её сила не в звучании, а в ограничении: она связывает несвязанные слова и подсказывает автору ходы, до которых он сам не дошёл бы.
- Из письменной поэзии рифма ушла, когда износилась и перестала быть нужна для запоминания, но в песне, рэпе и рекламе работает ровно по прежнему назначению.

Вопросы для размышления

- Если рифма помогает запоминать, почему поэты отказались от неё именно тогда, когда книги стали доступны всем?
- В рэпе рифма сложнее, чем в классических стихах. Значит ли это, что рэп — более техничная поэзия?
- Попробуй закрыть вторую строку любого четверостишия и угадать её конец. Что говорит о стихотворении удачная догадка?